

СОЦИОЛОГИЯ МОРАЛИ

Г.А. Осипов

«ТРЕТЬЕ ИЗМЕРЕНИЕ» В СОЦИОЛОГИИ П.А. СОРОКИНА: ОЦЕНКА НРАВСТВЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье предлагается возможное развитие идей П.А. Сорокина, касающихся характеристик нравственности общества, или, по П.А. Сорокину, людского «качества», определяемого соотношением эгоизма и альтруизма. Обосновывается гипотеза, которая заключается в том, что на степень совпадения общественных норм и поведенческих практик определяющее влияние оказывают макроэкономические пропорции общественного производства. Предложена статистическая модель, связывающая между собой макроэкономические и поведенческие параметры. На этой основе продемонстрирована возможность сопоставления количественных оценок нравственности современных обществ. Показано, что ухудшение макропропорций ведёт к относительному росту той части общества, которая пренебрегает существующими нормами (профессиональными, нравственными, культурными).

***Ключевые слова:** нравственность, общественные нормы, поведенческие практики, статистическая модель, макроэкономические пропорции.*

***Key words:** morals, social norms, practices of behaviour, statistic model, macro-economic proportions.*

Как известно, в системе социальной стратификации П.А. Сорокина рассматриваются горизонтальная и вертикальная оси (условно), вдоль которых фиксируются меж- и внутригрупповые расслоения членов общества. Под горизонтальной социальной мобильностью П.А. Сорокин понимает «переход индивидуального или социального объекта из одной социальной группы в другую, расположенную на том же уровне» (Сорокин 2005: 119), а под вер-

тикальной мобильностью — «отношения, связанные с перемещением индивида (или социального объекта) из одного социального слоя в другой» (Там же: 120). В его последующих работах рассматривается также третья ось — третье измерение, которое относится к соотношению эгоизма и альтруизма, или, обобщённо, к «качеству» индивидов, и проявляется в поведенческих практиках (Сорокин 1993; Бадмаева 2006).

Практики разнообразны, но за их разнообразием П.А. Сорокин усмотрел общее. В своей этической концепции, изложенной в работе «Главные тенденции нашего времени», он рассматривал различные градации этого универсального соотношения (Бадмаева 2006: 204–214). Они охватывают диапазон от «безграничного альтруизма» — идеала, свойственного, скажем, Будде или Иисусу, до его полной противоположности, до индивидов, предельно эгоистичных или исполненных ненавистью ко всем и всему. Так были созданы предпосылки для проведения последующих социологических исследований в указанном направлении.

В упомянутой книге П.А. Сорокин высказал идею, выражающую важную закономерность и имеющую прямое отношение к рассматриваемой теме. В нормальные (бескризисные) периоды развития обществ, говорит он, нравственность большинства их представителей оказывается в усредненном состоянии, то есть это большинство «ни слишком греховно, ни слишком свято и религиозно». Однако в периоды кризисов (войн, революций, стихийных бедствий и т.д.) оно обнаруживает тенденцию к ослаблению нравственных устоев (Бадмаева 2006: 199). В цитированном тексте содержится одна важная для нас фраза, имеющая прямое отношение к теме, хоть и сказанная почти мимоходом: «если основные потребности общества не удовлетворяются, как в случае голода или крайней нищеты, то следует ожидать проявления альтруизма у меньшинства и ожесточение большинства».

К тому же П.А. Сорокин обнаружил, что в отдельно взятом обществе поведенческие практики мало зависят от экономического положения исследуемой социальной группы, от её интеллектуального и образовательного уровня. Другими словами, уровень нравственности усреднённого индивида зависит от состояния общества в целом, а не от социального положения группы, к которой он принадлежит. Значит, социологические исследования, привязанные к третьей оси, оси «качества» индивидов, свободны от привязки к первым двум осям. (Можно сказать, что третья ось ортогональна к первым двум и, таким образом, «пространство», изучаемое социологией, является как минимум трёхмерным.) Сопоставление же поведенческих практик различных обществ, взятых целиком, будет методологически корректным, несмотря на отличия в их стратификационных профилях. При сравнении достаточно учитывать только «градус благополучия» сопоставляемых обществ. Всё сказанное служит, на наш взгляд, достаточным основанием для

того, чтобы поискать более точные зависимости, позволяющие сравнивать поведенческие практики в разных обществах. Количественное сравнение, пусть и в первом приближении, и является целью данной статьи.

Социальное качество человеческого сообщества (обобщенное по П.А. Сорокину) будем считать случайной функцией, имеющей распределение вдоль вышеупомянутой третьей оси. С одной стороны, это распределение стабильно в той мере, в какой стабильны статистические данные, касающиеся жизни общества. С другой стороны, при сопоставлении разных обществ обнаруживаются различия: сказывается влияние макроэкономических характеристик, в которых в явном виде отражается общественное благополучие. Они должны войти в функцию распределения в качестве влиятельного параметра. Далее, это распределение можно соотнести с общественными нормами как с допуском, чтобы выделить долю поведенческого «брака», т. е. того, что выходит за границу допуска.

Эта граница, выглядящая недоопределённой, ниже будет конкретизирована при сравнении двух обществ. Реальность поставленной задачи подтверждается статистикой поведенческих аномалий в России и на Западе. Их соотношение стабильно во времени и столь же красноречиво — см. табл. 1, источниками которой послужили литература, периодика, сайты Интернета (Официальный сайт ФБР, сайт МВД Германии и др.), а также ежегодный «Статистический сборник» МВД России.

Таблица 1

Статистика общественных аномалий

№ пп	Категория	Страна	Число случаев на 100000 населения	В долях от российского уровня
1	Разбой, грабёж (за год)	Германия	110,0	0,27
		Великобритания	271,0	0,67
		Канада	145,4	0,36
2	Убийства (за год)	Германия	2,1	0,10
		Великобритания	2,4	0,12
		США	5,8	0,29
		Франция	3,5	0,15
		Япония	1,2	0,06
3	Самоубийства (за год)	ЕС	14,0	0,36
		Швеция	20,2	0,48
		Германия	12,2	0,29
		Италия	10,4	0,24
		Япония	25,2	0,59

4	ВИЧ-инфицированные (всего)	ЕС	65,6	0,09
		Германия и Австрия	88,9	0,13
5	Погибшие в ДТП (за год)	Швеция	4,4	0,18
		США	5,7	0,24
6	Пожары (за год)	Германия	30,0	0,18

Примечание: число убийств в России взято с учетом неопознанных трупов.

Отметим, что в табл. 1 приведено всего лишь соотношение «хвостов» искомой функции распределения людского качества. Учитывая, что отдельные строки таблицы сильно различаются частотой событий оцениваемого явления, представляется проблематичным восстановить на этой основе полную и достоверную плотность распределения, речь может идти только об очень приблизительных оценках. Чтобы получить представление о полных функциях распределения, пригодных для непосредственного сопоставления, автор провёл серию несложных измерений. Была накоплена статистика, касающаяся организованности российского и западного общества, и получены плотности распределения времени запаздывания спланированных однотипных спортивных мероприятий. Они представлены на рис. 1.

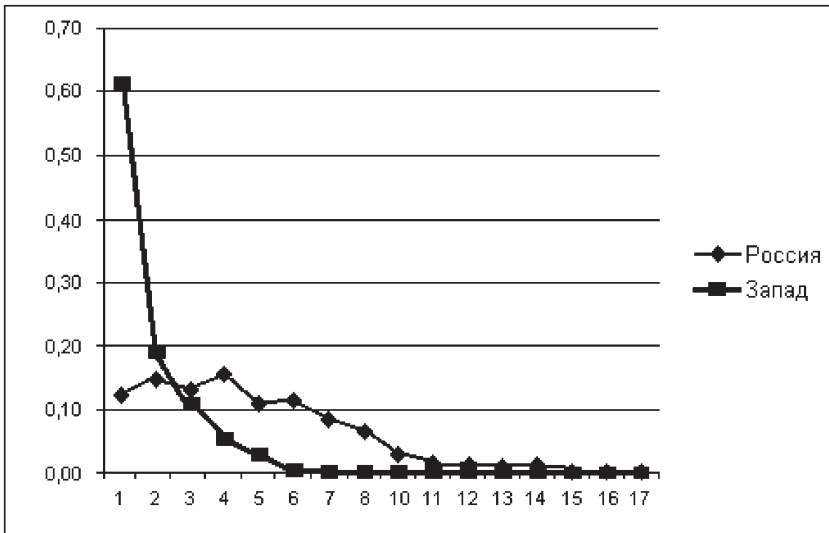

Рис. 1. Экспериментальные плотности распределения времени запаздывания запланированных событий.
Цена деления 30 с. Размер выборки 340 измерений.

Конечно, это всего лишь один, частный аспект проявления качества. Но не стоит относиться пренебрежительно к полученным функциям: в них отражается не только спортивная жизнь, но и нечто более общее. Разумеется, такое статистическое сопоставление возможно и правомерно не только применительно к зрелищам. Это может быть, например, время отправления правосудия, время реакции властей на возникновение форс-мажорных обстоятельств, работа общественного транспорта и т.п. Вообще время запаздывания планируемых событий, как и время принятия решений, является одной из важных характеристик общественной организованности, и к нему надо относиться с большим вниманием, чем, наверное, принято сейчас. В результатах измерения сказалась существенная разница в организованности российского и западноевропейского обществ: в массиве измерений «российское» математическое ожидание запаздывания оказалось выше в 3,9 раза, а среднеквадратическое отклонение — в 3,3 раза.

Полученные данные достаточно хорошо подтвердили одну макроэкономическую версию, касающуюся свойств схемы воспроизводства совокупного продукта. Понятие организованности, рассматриваемое на самом общем, политэкономическом уровне, было введено в моей работе «Макроэкономические пропорции: свойства и следствия» (Осипов 2003). Оно имеет количественную меру. Как известно, экономики существенно отличаются своей результативностью. В частности, совокупный продукт всех успешных экономик, развивавшихся эндогенно, примерно наполовину состоит из предметов потребления (а национальный доход составляет даже большую часть продукта за счёт доли накопления). Это относится к таким странам, как США, Великобритания, Франция, Германия (с поправкой на трудности, возникшие в связи с поглощением ГДР), её неславянские соседи, страны Скандинавии, Япония и др. Соответственно высокими оказываются КПД обоих подразделений*. Пропорции таких экономик устойчивы и лишь немного «дышат» в коротких экономических циклах. Макропропорции намного стабильнее, в частности, чем цены или показатели роста.

Зависимости, которым починены макропропорции, легче уяснить, рассматривая геометрию совокупного продукта (см. рис. 2).

Известное политэкономическое правило обмена между подразделениями требует, чтобы узловые точки 1 и 2, ограничивающие доли новых стоимостей, перемещались по стрелкам, примерно вдоль диагонали прямоугольника. Типичные траектории представлены на рис. 3.

Выясняется, что соотношение двух подразделений $K=(II/I)$ — это доминирующий параметр, определяющий результативность экономики. Вид траекторий обеспечивает наличие максимума новой стоимости, используемой

* Здесь под КПД понимается доля новой стоимости в продукте подразделения.

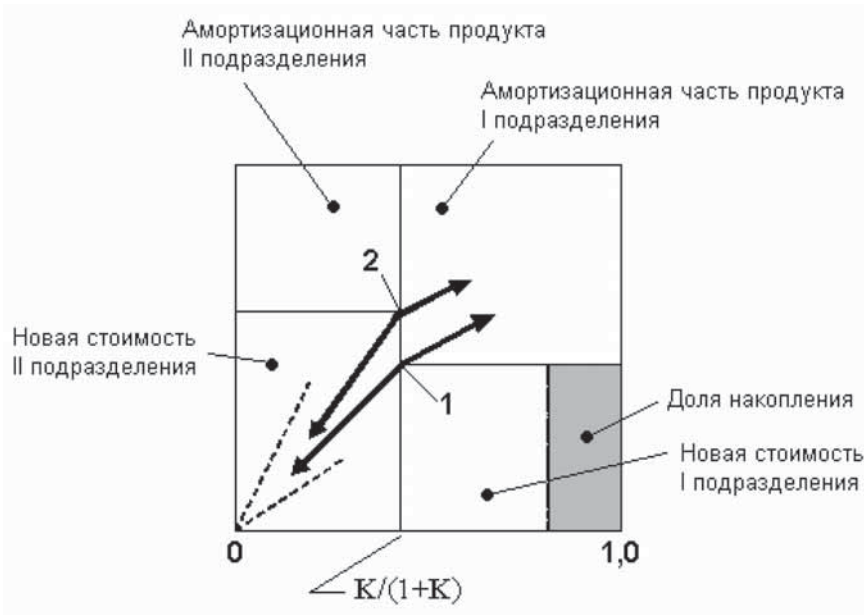

Рис. 2. Конфигурация совокупного продукта.

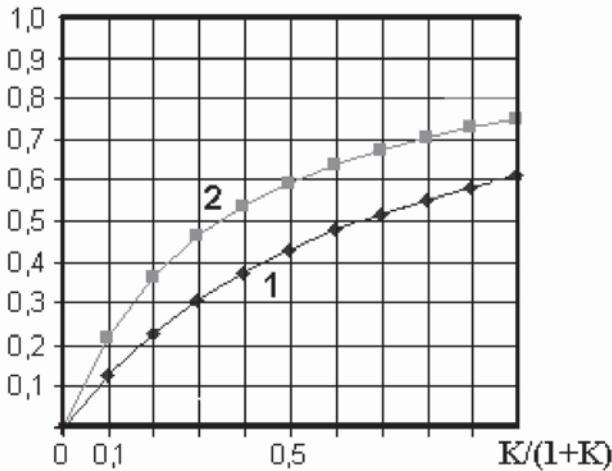

Рис. 3. Типичные траектории узловых точек 1, 2, отделяющих амортизацию от новой стоимости, созданной в соответствующем подразделении.

для обмена между подразделениями и для накопления и роста. Этот максимум располагается вблизи от значения $K=1$. Наоборот, чем ниже в экономике доля II подразделения, тем ниже результативность и, значит, тем хуже используются производственные фонды. Другими словами, всё большая их

часть служит балластом, не создавая национального дохода. На воспроизводство этой балластной части должны расходоваться ресурсы, которые можно было бы сберечь при лучшей организованности. Важно также, что с приближением K к нулю неизбежно уменьшается доля накопления и, понятно, замедляется как экономический рост, так и модернизация производственной базы. Последнее обстоятельство всегда озадачивало советские планирующие и управляющие структуры.

В той же работе (Осипов 2003) мной была обоснована и оценка, выделяющая из массы производственных фондов продуктивную часть. Она равна $K/(1+K)$. Это и есть макроэкономическая оценка организованности. На языке производственного контроля можно сказать, что указанная часть фондов, как и производимый ею результат, находится в допуске, в «рабочей зоне». И этот допуск задан макроэкономическими пропорциями.

Кардинальное отличие экономик Запада от «восточных» заключается в величине K : в указанных странах она тяготеет именно к значению $K=1$. Что касается экономики СССР, а потом России, то стратегия опережающего роста производства средств производства привела к неизбежному снижению доли оплаты труда в себестоимости продукции. По данным НИИ труда, в 2005 г. она составила в среднем 14%. В согласии с этим фактом российское соотношение подразделений K можно оценить величиной 0,1. Прибавив к ней долю накопления, тоже относительно малую, мы получим объективную оценку доли российского национального дохода в совокупном продукте — она невелика. Впрочем, сегодня этот доход можно считать скорее корпоративным, чем национальным, потому что образующееся накопление почти не возвращается в сферу производства. При этом в российских макропропорциях не наблюдается положительной динамики, они остались такими же испорченными, какими были до реформы. В этом смысле время рыночного «развития» (точнее, рыночной стагнации) потрачено впустую.

Соотношение подразделений в экономике США составляет примерно $K = 0,7$ (это минимальная оценка (Кудров, Латышева, Ночевкина 1976; Data-*pedia*... 2001), не учитывающая объём услуг и финансовые «пузыри»). Оно определено через усреднённую структуру заводских цен (цен производителя), которая является наиболее объективным показателем, не искажённым последующими ценовыми трансформациями на пути от производителя к потребителю. Значит, показатель организованности американского общества примерно равен 0,4, а российского — 0,09. Таким образом, соотношение параметров рассеяния российской и американской функций распределения $p(X)$ должно находиться, с учетом статистических неточностей, в диапазоне 4,0–4,5. Это неплохо согласуется с результатом проведённых измерений.

Далее, предположим, что машинному ансамблю соответствует людской ансамбль, «человек — продолжение машины». Всё сказанное распространя-

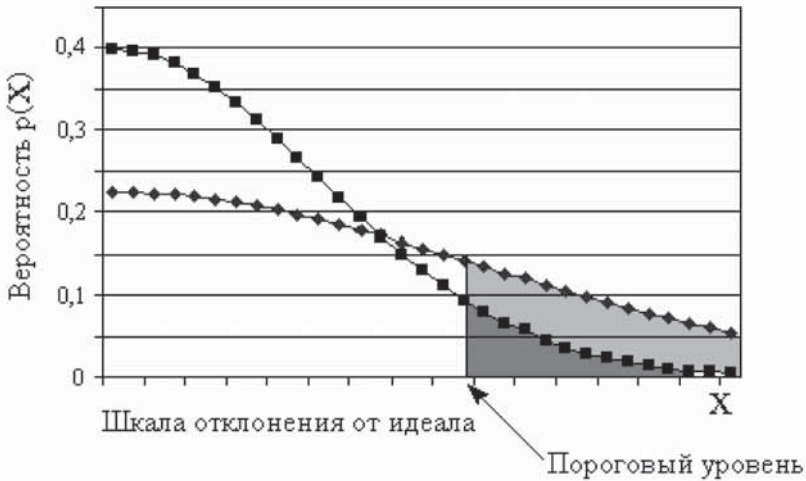

Рис. 4. Плотности распределения $p(X)$, описывающие поведенческие практики в обществах с разной организованностью

ется на него. Логично допустить, что и разброс качества «человеческого материала» определяется уровнем экономической организованности. Она задаёт степень востребованности, полезности работника, получая в ответ от него соответствующий градус инициативности, дисциплинированности, стремления к совершенствованию (или, от другой точки отсчёта, градус отчуждения и социальной апатии). В общем, плотность распределения качества людского множества тоже зависит от макропропорций. Несколько упрощая проблему (вряд ли значительно), будем полагать, что она характеризует не только производственное поведение человека, но и любые другие поведенческие практики. При этом люди, как и машины, склонны время от времени выходить за границу допуска, совершая разного рода ошибки, в том числе и «моральные аварии», и загрязняя духовную сферу как часть среды обитания.

В дальнейшем мы будем рассматривать людскую плотность распределения $p(X)$ вдоль оси качества X , подразумевая, что по ней откладывается отклонение от идеала (см. рис. 4).

Под идеалом понимается, следом за П.А. Сорокиным, «святость», или полное отсутствие эгоизма. Идеал расположен в начале координат. Более нормальным является сочетание в людях определённой доли эгоизма и определённого альтруизма, и всё дело в их пропорциях*. Если наша третья ось оцифрована соотношением эгоизма (в числителе) и альтруизма (в знамена-

* Согласно так называемой гипотезе эргодичности, усреднение по множеству можно заменить усреднением по времени. Поэтому разделение общества на эгоистов и альтруистов статистически тождественно сочетанию этих качеств в каждом человеке.

теле), то перемещению вправо по оси соответствует уменьшение альтруизма, ожесточение. В такой интерпретации поведенческие нормы общества укладываются в отрезок оси от начала координат до некоторого порогового значения, отсекающего «аварийную» часть поведенческих практик. Всё, что за порогом, не соответствует общественной морали, подобно тому, как в аварийной ситуации перестают соответствовать допуску рабочие характеристики машины.

Чем выше показатель общественной организованности, тем меньше разброс функции $p(X)$ и, значит, тем большая её часть оказывается в допуске, а площадь её «хвоста» — тем меньше. И наоборот, чем хуже экономика, в том смысле, который ей здесь придаётся, тем большая часть поведенческих практик общества становится принадлежностью этого «хвоста». Естественно, с постоянным обменом между двумя подмножествами — каждый из нас неизбежно, кто чаще, кто реже, пересекает эту границу. Конечно, поведенческие нормы устанавливаются и меняются в обществе не подсчётом экономической эффективности, а более сложно, да ещё и с некоторой инерцией. Но, повторимся, для сопоставления обществ не потребуется исчисления абсолютного значения допуска.

Здесь уместно сделать поясняющее замечание. Отклонения от поведенческих норм многомерны. Своя специфика (и своя частота нарушений) есть в сфере производства, своя — в сфере права, своя — в культуре, своя в науке и в политической жизни. Однако, сравнивая два общества, мы всегда имеем сферы, взаимно соответствующие друг другу. Это делает сравнение продуктивным.

Таким образом, главный источник экономического отчуждения человека в России — это пренебрежение организационной стороной дела, которое демонстрирует управляющий класс и в которой заинтересован управляемый класс. Надежды на эффект самоорганизации в отдельных ячейках общества — при общей хаотичности — оказались неосновательными и другими быть не могли. Низкий уровень жизни народа — лишь одно из неприятных последствий этого пренебрежения. Представители управляющего класса качественно отставшего общества теперь вынуждены проводить «догоняющую модернизацию», или, по крайней мере, утверждать, что они ее осуществляют, не очень понимая при этом, в чём её цель и суть. Казалось бы, удвоение ВВП — благое дело, хоть и растянутое во времени. Но конфигурация нашего совокупного продукта некондиционна как в стоимостном, так и в натурально-вещественном смысле, и КПД российской экономики не сильно отличается от паровозного. Так стоит ли, сохраняя плохие макропропорции, стремиться к удвоению «некондиции», производство которой связано к тому же со сверхзатратами? Другое последствие, ещё более опасное, — моральная деградация общества.

Методика сопоставления российских поведенческих практик с мировыми образцами несложна.

Первый шаг. Зададимся шириной допуска, ориентируясь на благополучное западное общество, например, на США, и считая его образцовым для нас, по крайней мере, в некоторых аспектах. Допуск назначим из того соображения, что в американском обществе определённая доля граждан так или иначе не ладит с общественными нормами и, значит, обретается в запороговой части плотности распределения. Допустим, что среди граждан США таких индивидов набирается 10–15 %. В частности, примерно столько американских налогоплательщиков хитрит при заполнении налоговой декларации.

Второй шаг. Выберем функцию плотности распределения вероятности, например, популярную функцию Гаусса. В этом случае графики на рис. 4 представляют собой удвоенные половинки гауссовской случайной функции, а разная организованность отображается разными величинами стандартного отклонения. Для единичного стандартного отклонения ($CO=1$) подберём значение аргумента X такое, чтобы интегральная функция (записанная терминами Excel) $2-2*\text{НОРМРАСП}(X;1;1)$ равнялась 0,1–0,15.

Третий шаг. Установленный таким образом «американизированный» порог используем для оценки веса «хвоста» российской плотности распределения. Для этого при том же значении аргумента вычисляется значение функции:

$$2-2*\text{НОРМРАСП}(X;CO_1;1),$$

где $CO_1 = 4,0-4,5$.

Кроме России, вовлечём в сопоставление Чехию — страну, занимающую по качеству своей экономики промежуточное положение. Среди социалистических стран Восточной Европы Чехословакия имела наиболее хорошие макропропорции, соотношение подразделений было примерно $K=0,25$. По-видимому, хорошие (в сравнении с Россией, Польшей, Болгарией и Румынией) начальные условия и объясняют, почему именно Чехия теперь лидирует в макроэкономическом сближении (а именно в сближении макропропорций) с западным экономическим сообществом. По крайней мере, цена труда и соотношение двух подразделений в постсоциалистической Чехии устойчиво росли. Учитывая инерционность макроэкономических пропорций и проявляя осторожность, примем для сегодняшней Чехии экспертную оценку $K=0,35$. Тогда чешский уровень организованности будет ниже американского в 1,6 раза.

В результате мы получили диапазон значений «хвоста» для России 0,68–0,75 и для Чехии 0,30–0,37. Проверим полученный результат с помощью другого распространенного закона распределения — экспоненциального (в этом случае параметром, задающим разброс функции распределения, слу-

жит, в терминологии Excel, показатель экспоненты «лямбда»). Повторив вычисления с теми же исходными данными, получаем ответ: доля россиян, пренебрегающих мировыми общественными нормами, находится в диапазоне 56–66 %, а доля чехов, не готовых их соблюдать, составляет 24–31 %.

Предварительное соображение в пользу экспоненциального распределения заключается в следующем. Решение поставленной задачи сводится к сопоставлению ординат интегральной случайной функции. Форма же двух функций распределения, полученных экспериментально (см. рис.1), такова, что соотношение их ординат (разумеется, сглаженных) в рабочем диапазоне аргумента хорошо воспроизводится именно экспоненциальными аппроксимациями и хуже — функциями Гаусса. Последние, как известно, хорошо работают при описании погрешностей в простых опытах типа стрельбы по мишеням или изготовления партии однотипных деталей. Человек же, в смысле его поведенческих практик, хуже поддается стандартизации, чем пушка или металлообрабатывающий станок. Поэтому первая оценка (0,68–0,75 для России и 0,30–0,37 для Чехии) представляется завышенной.

Как мы видим, для чехов ситуация достаточно благоприятна: большинство населения Чехии готово успешно вписаться и существовать в эффективной западной экономике и в гражданском обществе западного типа, соблюдая «правила игры». По мере повышения экономической эффективности и сближения макропропорций с западными образцами следует ожидать дальнейшего снижения процента поведенческого «брака» во всех общественно значимых аспектах.

Что касается российского общества, то его главная проблема, если верить полученному результату, состоит в том, что оно живёт под знаком численного превосходства людей с сомнительными нравственными устоями. Дело усугубляется ещё тем, что их отличает высокая способность объединяться и договариваться, в отличие от людей «морально чистых», что отмечено было ещё Л. Толстым. Следовательно, российское общество находится в качественно ином состоянии, чем страны, взятые для сравнения. И это состояние, по-видимому, слишком устойчиво, чтобы его можно было преодолеть только надстроечными, политическими проектами, если они оставляют в стороне означенную здесь базовую проблему.

По-видимому, наскоком здесь ничего исправить нельзя, идёт ли речь о коррупции, о сбережении ресурсов или об экологии; «привычка свыше нам дана». Остаётся надеяться только на постепенное повышение эффективности новой экономики, которое, хоть и не сразу, может привести к нравственному оздоровлению общества. Однако нельзя не упомянуть и о противодействующих факторах, в частности, о низком качестве российской элиты, сочетаемом с убеждённой в правильности и достаточности используемых ею методов управления.

Полученные соотношения затрагивают проблему либерализации общественных отношений. Допустим, что обсуждаемые здесь статистические оценки характеризуют ещё не поведенческую практику, а только «стартовый» потенциал нарушений в определённых, социально значимых аспектах. Снятие государственного контроля в сфере экономики, финансов, культуры позволило этому потенциалу реализоваться, и выяснилось, что он великоват, поэтому у некоторой, не самой плохой, части россиян возникло ощущение «безнадёги». Приведённые оценки подсказывают: что допустимо для одних обществ (где проблемными становятся от силы 15% граждан), то для других просто недопустимо. Естественно, что велик оказался и коррупционный потенциал. Ключ к его уменьшению — не столько меры юридического характера, сколько исправление макроэкономических пропорций.

П.А. Сорокин был прав, когда, обсуждая проблему нравственности, ставил на одну доску демократическое и тоталитарное общества. У последнего (в СССР) он находил даже некоторые преимущества, такие как развитие «интегральных семейных отношений» в экономической системе, и считал их ростками будущего высоконравственного общества. Но, находясь в других условиях, он не мог оценить влияние дезорганизованности, проявившейся в нашем обществе в эпоху зрелого социализма. Теперь, обогатившись опытом его построения, мы знаем, что «семейные отношения» могут привести к общему разгильдяйству, к «семейному» производственному пьянству, к высокому уровню преступности и снижению культурного уровня. Суммарно — к деградации общества, а в социологии, наверное, к обоснованию социального пессимизма, отражающего реальное состояние российского общества, вопреки социальному оптимисту П.А. Сорокину. И все же приоритет в описании взаимосвязей между социально-экономическими условиями и поведенческими практиками принадлежит именно ему.

20 лет назад советская экономика пришла к краху. Причины этого краха обсуждаются до сих пор, и единодушия пока нет. Но один из значимых факторов состоит в том, что к тому времени макроэкономические пропорции дошли до критических. Экономика стала не только неэффективной, но и неуправляемой, а поведенческие практики — неблагоприятными. Такими (если не худшими) они и остаются. Если история чему-нибудь учит, то отслеживание и уточнение параметров, фигурирующих в статье, остаётся крайне актуальным. Социологическая наука могла бы с пользой для общества освоить этот самый общий, воспроизводственный уровень рассмотрения социально-экономических проблем.

Во-первых, макропропорции как обобщённый показатель социально-экономического состояния претендуют на включение в систему социологических индикаторов. Это сделало бы картину общественной жизни более завершённой. В пример приведём США: там объективные данные по расхо-

дам на труд являются важной частью государственной статистики, причем в относительных единицах, и по их доле в стоимости отгруженной продукции, и по доле в добавленной стоимости, и по экономике в целом, и по отраслям, и по крупным фирмам. Американцев интересует *структура цен*, потому что им не безразлично положение своего производителя. И они *знают свои макропропорции*. У нас же состояние экономической статистики пока таково, что при желании легко можно замаскировать отечественные макропропорции под американские и сделать актуальную проблему несуществующей.

Во-вторых, это — как продолжение единой проблемы — относится к измерениям и последующему анализу статистических функций распределения поведенческих практик (в духе рис. 1, но в самых разных аспектах) — здесь перед исследователем простирается непаханое поле. Такая, условно говоря, «макропараметрическая» социология могла бы внести свою лепту в описание общества, «которого мы не знаем». Автор надеется, что предлагаемая статья послужит маленькой, но не лишней заправкой к этому.

В-третьих, и самое главное. Никакие статистические и научные выкладки не помогут делу, пока российский управляющий класс не откажется от примитивной игры в «перетягивание каната», стратегия которой по старой привычке реализуется по отношению к управляемому классу и способствует, в частности, его моральной деградации. Надо переходить к стратегии межклассового сотрудничества во имя общей выгоды, она, эта стратегия, успешно реализуется в просвещённом мире. А это тоже напрямую связано с исправлением макропропорций (Осипов 2007).

Литература

Бадмаева М.В. Социально-философские воззрения Питирима Сорокина. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006.

Кудров В.М., Латышева Г.И., Ночевкина А.П. Соотношение двух подразделений общественного производства. М.: Наука, 1976.

Осипов Г.А. Макроэкономические пропорции: свойства и следствия. М.: Экономика, 2003.

Осипов Г.А. Межклассовые отношения и макроэкономические пропорции // Социологические исследования. 2007. № 8.

Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: ИС РАН, 1993.

Сорокин П.А. Социальная мобильность. М.: Academia, 2005.

Datapedia of the United States 1790–2005. America Year by Year. (2nd ed.) / Edited by G.Th. Kurian. Lanham, MD: Bernan, 2001.